

ТРАНАМЪ

СТРАНА МЕЧТЫ.

Когда въ Россіи появилась безобразная вѣдма Реакція, я уложилъ свои чемоданы и немедленно уѣхалъ въ страну Мечты...

Это было необходимо по двумъ причинамъ: во-первыхъ, я рисковалъ попасть въ тюрьму за дружбу съ редакторомъ сатирическаго журнала; во-вторыхъ, я усталъ отъ гнета «Главнаго управления по дѣламъ печати».

А въ странѣ Мечты, какъ мнѣ казалось, существуетъ только одно управленіе: тайственныхъ видѣній.

Переѣхавъ границу и поселившись въ странѣ Мечты, я сильно въ ней разочаровался.

Хотя она существовала только въ моей фантазіи, однако доставляла мнѣ несказанныя страданія.

Въ странѣ Мечты царилъ такой-же холодъ, какъ и въ Россіи.

Это произошло вслѣдствіе измѣненія теченія Гольстрема.

Въ царство весны проникъ ледяной морозъ.

Въ одномъ я не ошибся: въ странѣ Мечты не оказалось цензуры. Про нее можно писать все, что угодно.

Отличный порядокъ!

Журналъ „Страна Мечты“ будетъ отражать жизнь двухъ великихъ государствъ: Россіи и страны Мечты.

Причемъ о Россіи будетъ писаться только безобидное.

А Страну Мечты сотрудники журнала обследуютъ со всѣхъ сторонъ.

Постараются!

Я.

Казнь. Мечты.

Барабанная дробь...

Люди въ сѣрыхъ шинеляхъ смотрятъ на приготовленія передъ казнью. Палачъ закинулъ веревку.

Женщина, которая должна быть повѣшена, безучастно смотритъ кругомъ. Въ глазахъ ея отражается тайная дума.

Ее схватили, когда она была уже у порога запретной двери. Грубые руки сжали ее худыя плечи. Кто-то ударилъ ее плетнемъ въ спину. Посадили въ карету съ синими занавѣсками. Привезли въ тюрьму.

Она знала, что ее ждетъ смерть. Въ тихомъ одиночествѣ сырой камеры она полюбила смерть.

Женщина, которая должна быть повѣшена, полюбила смерть.

Жизнь ничего не принесла ей радостнаго. Она увлекла ея дивной мечтой, и ушла испуганная и легкомысленная, лишь только почувствовала тяжелое дыханіе смерти.

Жизнь отвергнулась отъ нея. Юная женщина жалѣла только свою мечту, которую уносила съ собой въ могилу.

Утромъ передъ казнью она молилась смерти:

„Безстрастно-холодная, справедливая и жестокая, безмолвная, радостная богиня! Ты открыла для меня черную бездну

безсвѣтной могилы, ты ждешь меня, радостная богиня! Я иду... Иду... Но будь также упряма, какъ и моя мысль. Будь также прекрасна, какъ и моя мечта. Радостная богиня, отрави мракомъ ночи торжествующей покой. Задумай побѣдителей. Пусть казнь моей мечты будетъ призракомъ всеволевольныхъ. Пусть моя смерть будетъ некупительной жертвой, радостная богиня.

Юная женщина взопла на помостъ.

Веревка охватила ее шею, изъ груди вырвался крикъ. Алая кровь широкой струей полилась изъ горла.

Люди въ сѣрыхъ шинеляхъ жадно впились глазами въ судороги изнеможенного тѣла.

Женщина дрогнула. Дрогнулъ маленький чело-вѣкъ, который стоялъ сбоку.

Она умерла...

Но ея одинокая душа невѣдомымъ путемъ соединилась съ тысячами другихъ одинокихъ душъ, такихъ же яркихъ, такихъ же дерзкихъ. Ея мысль оборвалась, чтобы вспыхнуть съ новой силой, въ новомъ отраженномъ блескѣ въ оставшихся за порогомъ жизни.

Она умерла и подарила мечту всѣмъ смѣлымъ и дерзкимъ, любящимъ до забвенія.

Они отомстятъ. Они отомстятъ!

Ненюфаръ.

Чуть вспыхнувъ погасла заря золотая...
И снова мы въ рабствѣ покорно живемъ,
Томимся и плачемъ, въ тоскѣ уведавъ,
Чего-то все ждемъ, все ждемъ...

Изъ стороны въ сторону бродимъ уныло,

Волочимъ желѣзо звенящихъ цѣпей.

И все насъ тревожить и все намъ постыло

Во мракѣ застывшихъ ночей.

День радости нашей въ разцвѣтѣ увянул!

Гроза огневая сверкнула на мигъ:

Разбуженный громъ затуманился, грянулъ—

И въ гнѣвъ безсильномъ затихъ...

Проснется-ли въ сказочномъ блескѣ природа?

И скоро-ли день разгорится во тьмѣ?

Иль въ бѣдной Россіи зачухнетъ свобода

Въ неволѣ, въ холодной тюрьмѣ...

Дождется-ли солнца, дождется-ли счастья?

Иль въ тихой печали рабами умремъ?

Все что-то мы ищемъ, дрожа отъ ненастья,

Чего-то все ждемъ, все ждемъ...

Сергѣй Безпросвѣтный.

редакция журнала „Страна Мечты“ приступаетъ къ подробному описанію государственнаго и общественаго уклада великаго королевства „Страна Мечты“. На первый разъ редакция коснется наиболѣе существенныхъ чертъ.

Политическое устройство, нравы и обычаи Страны Мечты.

Глава I.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО.

I.

Страна Мечты государство конституціонно-принципальное. Основные законы Страны Мечты суть слѣдующіе:

1) Умъ хорошо, а ни одного еще лучше.
2) Граждане Страны Мечты пользуются всѣми видами свободы за исключеніемъ свободы распоряженія своей личностью.

3) Для удобства управленія всѣ граждане пронумеровываются и вносятся въ соответствующую ихъ образу мысленія категорію. Въ случаѣ у гражданина нѣтъ никакого образа мысленія, онъ безъ номера назначается членомъ Государственнаго совѣта Страны Мечты.

4) Правительство Страны Мечты есть правительство. Поэтому..... Спаси Господи люди твоя!

II.

Взглядъ правительства Страны Мечты на внѣшнюю политику заключается въ слѣдующемъ: мудромъ правилѣ, которое министру иностранныхъ дѣлъ рекомендуется строго соблюдать: что плохо лежитъ — не зѣвай. А прозѣвавъ, кричи: грабители!

III.

Въ правительствѣ Страны Мечты существуютъ суды. Но какъ идетъ судебный процессъ-неизвѣстно, ибо изъ попавшихъ подъ судъ еще никто не вернулся кромѣ одного профессора.

IV.

Финансы Страны Мечты находятся въ блестящемъ состояніи, такъ какъ правительство придерживается правила: съ одного вола деръ десять пикуръ... Кромѣ того правительство можетъ сколько угодно печатать денежныхъ знаковъ, такъ какъ бумаги въ Странѣ Мечты непочатый край.

Глава II.

Н Р А В Ы.

Нравы Страны Мечты нѣжны и деликатны. Въ руководство всѣхъ благонадежныхъ гражданамъ даны слѣдующія краткія инструкціи:

- 1) Луни въ зубы.
- 2) Хорошо и по заливку.
- 3) Валяй во всю.
- 4) А пуще всего почитай начальство.

Глава III.

О Б Ы Ч А И.

Въ Странѣ Мечты есть много хорошихъ обычаевъ и много дурныхъ, причемъ одинъ весьма странный обычай: граждане мрутъ, какъ мухи. Отчего сіе происходитъ, неизвѣстно.

Глава IV.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ПАРТІИ.

Странѣ Мечты не наблюдается строгого разграниченія партій. Ихъ можно раздѣлить на двѣ группы: группу благонамѣренныхъ и неблагонамѣренныхъ. Благонамѣренные пьютъ водку и бьютъ жидовъ, а неблагонамѣренные строятъ всяческія каверзы правительству: нарочно вѣшаютъ, а потомъ говорятъ, что ихъ повѣсили.

Въ заключеніе мы приводимъ изрѣченія великихъ людей Страны Мечты.

1) Я знаю, какъ спасти Страну Мечты.
2) Братцы! пожалуйте женъ и дѣтей вашихъ.

3) Все для отечества! — сказалъ министръ внутреннихъ дѣлъ Страны Мечты, допивая стаканъ человѣческой крови, которую онъ самъ себѣ прописалъ.

4) Ахъ! да, пускай свѣтъ осуждаетъ, ахъ! да, пускай клянетъ Молва.

Городъ смерти.

По улицѣ шелъ я глухой и пустынной,
По улицѣ города, съ древнихъ временъ
Извѣстнаго міру. На башнѣ старинной
Раздался часовъ разражающій звонъ.
Двѣнадцать ударовъ... Ночная видѣнья
Проснулись и рѣютъ въ прерывистой мглѣ...

Я голову долу склонилъ и въ смятеніи
Увидѣлъ ребенка на мерзлой землѣ.

Съ болѣзненнымъ взглядомъ, въ безмолвной тревогѣ
Хваталась малютка за грудь... Пронеслись
Туманные призраки... Въ снѣжномъ сугробѣ
Кровавые пятна въ узоры сплелись.

Разтерзано платье... Осколки шрапнели

Разбросаны рядомъ. Во мракѣ ночномъ

Печально свидѣтели звѣзды горѣли

И думали все объ одномъ, объ одномъ...

Я дѣвочкѣ раненой молвилъ рыдая:

— Ты ужасы ночи должна позабыть!

Тебя я спасу моя крошка больная.

Она прошептала: — «Я жить хочу, жить!»

Я всталъ на колѣни и снѣгомъ морознымъ

Старался глубокія раны омыть

И все говорилъ ей о мщеніи грозномъ.

Она прошептала: «Я жить хочу, жить!»

О да! боль утихнетъ въ груди истомленной,

Ты будешь смѣяться, рѣзвиться, шутить.

Лицо твое вспыхнетъ улыбкой смущенной...

Она прошептала: «Я жить хочу, жить!»

Холодная смерть овладѣла несчастной,

И жизни оборвана тонкая нить,

И всюду мнѣ слышится стонъ ея страстный,

Мнѣ слышится всюду: «Я жить хочу, жить!»

Хризантемъ.

Дуракъ.

(Изъ Тургенева).

Жилъ-былъ въ странѣ Мечты дуракъ.

Долгое время онъ жилъ припѣваючи; понемногу стали доходить до него слухи, что онъ всюду слыветъ за безмозглаго пошлеца.

Смутился дуракъ и началъ печалиться о томъ, какъ-бы прекратить тѣ непріятные слухи!

Внезапная мысль озарила, наконецъ, его темный умишко... И онъ, ни мало не медля, привелъ ее въ исполненіе.

Пошелъ онъ къ премьеръ-

министру Страны Мечты графу Юлію Муту и говоритъ ему:

— Графъ Юлій, назначь меня министромъ въ твой кабинетъ. Графъ Юлій назначилъ дурака министромъ.

Съ тѣхъ поръ его не зовутъ уже больше дуракомъ.

Его стали называть мошеникомъ.

Храмъ.

Въ странѣ Мечты сорокъ лѣтъ строили храмъ.

На его сооруженіе были отпущены громадныя суммы.

Этотъ храмъ долженъ былъ увѣковѣчить день освобожденія рабовъ.

Какъ-то такъ случилось, что

суммы неизвѣстно куда пропали.

Отсыпали новыя — а они тоже фють-фюйть!

Такъ его строить и по днесь.

Овесъ.

Въ странѣ Мечты прошелъ странный слухъ, что министръ внутреннихъ дѣлъ Бестіа ѣстъ овесъ.

Подивились граждане, однако повѣрили.

Тѣмъ болѣе повѣрили, что имъ было достовѣрно извѣстно, что члены Государственнаго совѣта страны Мечты, не перевариваютъ другой пищи кромѣ сѣна.

Чего не бываетъ на свѣтѣ!

ВЕСНА.

Шуточная поэма.

Отъ стужи морозной, отъ лютой зимы,
Отъ сѣверныхъ вѣтровъ бѣжалъ я.
И въ комнатѣ сидя за чайнымъ столомъ.
Въ тоскѣ неутѣшной вздыхалъ я.
О горе мнѣ, горе! Завяла душа,
Замерзли и руки и ноги.
О еслибъ вязанку березовыхъ дровъ
Прислали съ Олимпа мнѣ боги.
О еслибъ утихла подъ ложечкой боль
И насморкъ бы мой прекратился.
(Я «Новое время» читалъ безъ голошъ
И вотъ результатъ — простудился)
Да, въ жизни дѣйствительной всюду подвохъ,
Куда не оглянись — слезы...
Приди же бунтующей мысли обманъ,
Придите волшебныя грезы...
Какъ въ сказкѣ на зовъ мой съ небесъ голубыхъ
Царица — мечта прилетѣла
И голосомъ звонкимъ о свѣтлой зарѣ
Свободную пѣсню запѣла.
Въ серебрянныхъ туфляхъ казалась она
Богиней перваго сорта,
А платье ея, какъ и должно мечтѣ,
Навѣрное было отъ Ворта.
Лишь только съ горячею страстью въ груди
Къ устамъ я ея потянулся,
Какъ витязь сердитый мнѣ далъ тумакъ —
Я адрогнулъ, вскричалъ и... проснулся,
Кто сонъ мой встревожилъ? Жандармы толпой
Пришли меня въ крѣпость отправить
Иль можетъ самъ Витте явился ко мнѣ
Мой образъ мышленья исправить?

Ахъ нѣтъ! Предо мной былъ Суворинъ старикъ,
Правительства нашего эхо.
Съ чудесною вѣстью пріѣхалъ ко мнѣ
Онъ въ шубѣ изъ лисьяго мѣха.
Онъ шепнулъ: «О другъ мой, настала весна!
Открой же окошко скорѣе.
Ты слышишь, какъ птички поютъ на дворѣ,
А Меньшиковъ всѣхъ веселѣе.
Поетъ о геройствѣ онъ славномъ своемъ,

Къ министру премьеру взываетъ,
Въ статьяхъ нововременскихъ очень легко
Россію онъ управляетъ.
Ты слышишь ли, вторить ему соловей
Изъ Курска прибывшій экспрессомъ.
Поетъ онъ о дружбѣ старинной своей
Съ зеленой дубравой и лѣсомъ,
О звѣздахъ далекихъ, о желтой лунѣ,
О страсти возвышенно нѣжной,
О земцѣ, который исправника дочь
Къ груди прижимаетъ мятежной.
Взгляни-же! — Суворинъ въ экстазѣ вскричалъ:
«Воскресли букашки и мухи
Мнѣ въ прошломъ году предсказалъ: весну
Въ бесѣдѣ таинственной духи.
Проснись, какъ фіалки цвѣтутъ, погляди
Ты въ Эртелевомъ переулкѣ.
Ахъ, скоро свободу получить народъ
И каждый крестьянинъ — по булкѣ».
Суворинъ замолкъ. Я повѣрилъ ему.
Повѣрилъ я въ лучшую долю.
Пальто я накинулъ и вышелъ скорѣй
Изъ комнаты душной на волю.
На улицѣ я чуть не вскрикнулъ! Зима
Растаявъ ушла безвозвратно.
Лилъ дождь и слегка замочилъ мнѣ лицо,
Слегка и притомъ деликатно.
Вотъ Невскій проспектъ, оживленіе, шумъ.
Хорошенькихъ дамочекъ куча.
Ихъ хрупкія шляпки обильнымъ дождемъ
Цѣлуетъ влюбленная туча.
Въ Казанскій соборъ на молитву спѣшать
Шеренгами городовые.
Начальствомъ былъ отданъ строжайшій приказъ
Имъ всѣмъ записаться въ святые.
Не знаю, молитва ихъ нѣжныхъ сердецъ
Какіе дала результаты.
Ходила молва, что студента поймавъ
На ласку они тароваты.
Вотъ высится вверхъ къ небесамъ каланча:
То Санктъ-Петербургская дума.
Тутъ гласные гимны поютъ иногда
Въ честь градоначальника-кума.
Я дальше иду. Вотъ Литейный проспектъ,
Вотъ артиллерійскія пушки.
На встрѣчу мнѣ шествуютъ тѣсной толпой
Какія-то штатскія души.
Я дворника на ухо тихо спросилъ:
«Скижи мнѣ любовный, кто это?»
— «Ведутъ изъ Судебной Палаты въ тюрьму
Ледаторовъ, въ честь, значить, лѣта.
Бѣдняжки устали сатиру строчить,
Акимовъ, слышь, это примѣтилъ.
И отдыхъ тюремный устроилъ для нихъ!!»
Мнѣ дворникъ солидно отвѣтилъ.
О дворникъ-смутитель! О если-бъ ты зналъ,
Какъ сердце мое помutilъ ты.
Какія надежды воскресли опять.
Когда о «веснѣ» подтвердилъ ты.
Все то, что цвѣло и горѣло въ душѣ
Вновь яркими искрами пышетъ.
Скорѣй на Неву... Alma mater моя
Навѣрно, свободой дышетъ!
Извоишь, вези же! Въ университетъ!
Тамъ юность моя расцвѣтала.
Тамъ пѣли мы пѣсни о лучшей судьбѣ,
И солнце надъ нами сверкало.
Вотъ Островъ Васильевскій. Длинный фасадъ
Безцвѣтнаго, мутнаго зданья.
У главнаго входа полиціи чинъ
Студентамъ стоитъ въ назиданье.
О горе мнѣ, горе! Министромъ Толстымъ
Закрѣтъ храмъ священный науки.
Вокругъ него сыщики бродятъ толпой,
Томясь отъ бездѣлья и скуки...
Въ испугѣ нѣмомъ я назадъ побѣжалъ,
И вдругъ на Сѣнной оказался...

Тамъ встрѣтилъ я страннаго вида людей,
Флагъ бѣлый средь нихъ колыбался.

— «Куда вы спѣшите, о други мои,
Съ улыбкой загадочно-странной?
На свадьбу ли феи въ роскошный чертогъ
На пиръ ли къ веснѣ златотканной?»
Въ отвѣтъ мнѣ рекли: «мы идемъ не на пиръ
Къ веснѣ златотканной, не къ феѣ
Въ роскошный чертогъ, а идемъ мы накласть
Всѣмъ интеллигентамъ по шеѣ!»
Нѣтъ видю туманный, сырой Петроградъ
Къ веснѣ не привыченъ цвѣтущей.
Здѣсь царство чиновниковъ, здѣсь Дурново
Всѣмъ править, сердитый и злой.
У бѣдной Россіи есть сердце — Москва.
Туда меня грезы манили.
На поѣздъ я сѣлъ и колеса стуча
По рельсамъ скользя покатила.
Москва! Всю въ огняхъ я увидѣлъ тебя,
Въ малиновомъ пламени, въ ранахъ.
Въ крови истекала ты алой. Всего
Нельзя описать и въ романахъ.
Не въ силахъ мой блѣдный, испуганный стихъ
Твое незажившее горе
На бѣломъ бумажномъ листѣ передать,
Повѣдать о страшномъ позорѣ.
Повѣдать о томъ, какъ Семеновскій полкъ
Прославился въ битвѣ неравной,
Какъ бойню кровавую въ сердцѣ Руси
Дубасовъ устроилъ безславный.
Какъ пушками брали пустые дома,
Какъ женщинъ, дѣтей убивали.
Какъ гласные Думы съ Гучковымъ своимъ
Дубасову гимнъ распѣвали.
Въ несчастной Москвѣ — всѣ надежды мои
Разбились... И ненависть злая
Закралась въ горячее сердце. Въ тоскѣ
Рыдалъ я, весну проклиная.
И молвилъ уныло: Суворинъ-старикъ!
Ты зло надо мной посмѣялся!
Обманчивой сказкою сердце увлекъ,
А самъ невидимымъ остался!
Съ разбитой мечтою опять въ Петроградъ
Помчался я въ тихой печали.
Когда я пріѣхалъ, то прежде всего
Жандармы меня обыскали.
Потомъ подошелъ ко мнѣ съ просьбой помочь
Босаякъ. — Улыбаясь мнѣ сладко
Онъ сталъ объяснять, что онъ другъ Дурново
И членъ правового порядка.
Тутъ понялъ я сразу, что снова зима
Вернулась и холодомъ дышетъ,
Что Меньшиковъ снова свободу громить,
Акафистъ реакціи писать.
Что дальше случилось, о томъ умолчу.
Итакъ происшествій довольно.
Смущенное сердце въ усталой груди
Стучитъ такъ уныло, такъ больно...
Давно ли въ кичливомъ восторгѣ весну
Встрѣчали наивныя души!
Теперь за довѣрчивость эту они
Себѣ отморозили уши.
О Русь! Ободри же улыбкой своей
Всѣхъ слабыхъ и хилыхъ душою.
И снова мы вступимъ въ святую борьбу
Съ врагомъ, одолевшимъ насъ, — тьмою!
О родина — мати! Разсердись наконецъ,
Оковы сломай ледяныя.
Весны настоящей пусть вспыхнутъ лучи,
Пусть вспыхнутъ лучи золотые!
Но чу! Жандармовъ я слышу шаги.
Схватили... Готово! Я связанъ.
Прощай же читатель. Быть можетъ, и ты
Въ тюрьму будешь скоро посаженъ.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ

На прибытіе эмигранта въ Парижъ.

(Стихотвореніе Гейне, исправленное и переработанное для русскихъ читателей старшаго возраста).

Прибылъ сюда ты въ тревогѣ и страхѣ,
Путь совершая окольной страной!
Какъ моимъ милымъ живется въ отчизнѣ,
Освободился ли край нашъ родной?
— Славно живется, и тихое счастье
Насъ охраняетъ съ зари до зари.
Русь необъятная очень покойна
И развивается мирно внутри,
А не наружно, какъ Франція ваша,
Право, свободная, только на видъ...
Лишь въ глубинѣ благодарнаго сердца
Бережно русскій свободу хранитъ.
Храмъ Воскресенія скоро достроятъ,
Средствъ къ тому много казноу дано.
Если не хватить для стѣнъ мозаики,
То продырявятъ пошире окно.
Ждемъ конституціи мы и свободы.
Витте Сергѣй наикъ ее общалъ.
Свѣтитъ она и сияетъ лучами
Воднамъ шумливымъ — маякъ-идеалъ.
Обзаведемся и флотомъ мы тоже
И — нашу гордость кто можетъ понять?
Станемъ мы въ трюмѣ сидѣть въ наказанье:
Въ крѣпости больше не будутъ сажать.
Дышится какъ-то вольнѣе и легче,
Мѣсто веснѣ уступила зима...
Если-жъ у насъ запретятъ всѣ изданья,
То и цензура исчезнетъ сама.

ЭХО.

Что съ редакторами, изданія
коихъ конфискованы?

Эхо. Скованы!

Кто теперь кричитъ палачамъ:
скорѣе всѣхъ давите?

Эхо. Битте!

Что было въ рѣчахъ того, кто
теперь пустилъ въ дѣло пуле-
честъ!

Эхо. Медь!

Что грозитъ тѣмъ, кто теперь
посѣщаетъ рестораны?

Эхо. Раны!

Что помогаетъ брать занятія
возвставшими лѣсныя опушки?

Эхо. Пушки!

Кто служить дѣлу истребленія
ближнихъ ревностнѣе, чѣмъ сво-
имъ богамъ браминъ?

Эхо. Минь!

Получить-ли Дурново за свои
дѣянія еще какой-нибудь бак-
шинъ?

Эхо. Шишъ!

Красный Кантъ.

Кавалеристы.

Орловъ, Фроловъ!
Тупыхъ головъ

Во всякой конницѣ до-
вольно.

Ничего новаго.

(Посвящается комлатъ съ полиня-
лыми обоями).

Все одно и тоже... Никакой но-
винки.

Небо—въ звѣздахъ, въ крыльяхъ
бабочекъ—пылинка.

Вѣчно стонутъ волны въ шумномъ
буйствѣ моря,

Тотъ же плащъ дырявый у бѣдняги горя...
Утромъ раннимъ горько плачетъ сонъ смущенный,
Сердце къ жизни рвется, взоръ глядитъ влюбленный,
Какъ сверкаетъ солнце яркой позолотой.
Мозгъ, нутрясь важно, говорить: работай!
Вотъ перо скрипитъ... Рука послушно пишетъ.

Дурять, блестятъ;
Красивъ нарядъ, —
Имъ залюбуешься не-
волью.

Но быють, кровь льютъ;
Характеръ лютъ
У нихъ къ сынамъ своей
отчины.

Не время, что ждемъ,
Когда дубьемъ
Свершатся по Орловымъ
тризны.

Красный Кантъ.

Некрасовскіе мотивы.

Думы вы, думы, мрачнѣе могилы...
Нѣтъ, отогнать васъ нельзя.
Родина бѣдная, темныя силы
Снова объяли тебя.

Вновь ты кровавыми плачешь
слезами,
Снова спокойными смотришь
очами

Смерти несытой въ глаза.
Снова сыновъ твоихъ смѣлыхъ
хоронишь,

Павшихъ за счастье твое.
Гдѣ-же, о гдѣ-же предѣлы испы-
таніймъ,
Гдѣ-же конецъ твоимъ вѣчнымъ
страданіямъ!

Кровью ты вся изопшла.
Долго ль носить тебѣ цѣли по-
зорныя,

Долго-ль враги твои, вороны
черныя
Будутъ еще пировать.
Скоро-ль воспрянешъ ты мощи
исполнена!

Чаша терпѣнья давно перисол-
нена,
День отомщенія насталь.
Мертмале.

Объявленіе.

С. М. Усасъ и Сергій Без-
просвѣтнѣй съ душевнымъ
прискорбіемъ извѣщаютъ
всѣхъ родныхъ и знакомыхъ
о кончинѣ горячо любимого
дѣтища журнала „Свобода“,
послѣдовавшей 4 января
въ помѣщеніи спб. судеб-
ной палаты.

Некрологъ.

4-го января тихо скончалась
„Свобода“.

Знаменитый докторъ С. П.
Марголинъ испробовалъ всѣ
средства медицинскаго искусства,
чтобы спасти ее, но увы! смерть
была безжалостна.

Ея единственный сынъ „Де-
вятый Валъ“ не пережилъ этой
тяжелой утраты и 9 января
впалъ въ летаргію, въ каковой
находится и по днесь.

Родилась „Свобода“ въ яркихъ
лучахъ солнца, умерла въ чер-
ныхъ объятіяхъ ночи, горько
плача о разбитой мечтѣ.

Она честно и смѣло исполняла
свой долгъ, служа живымъ сло-
вомъ родному краю.

Она храбро возвысила свой
голосъ, несмотря на то, что ей
сдавали горло.

Бѣдная страдала „Свобода“!
Въ „Странѣ Мечты“ искренно
оплакиваютъ твою кончину!

Блѣдный лучъ въ окно улыбкой теплой дышетъ.
Онъ расцвѣлъ на небѣ, высотъ лазурной.
Онъ зоветъ на праздникъ, страсти праздникъ бурный.
Закрутилось сердце и бѣжитъ изъ клѣтки
Къ темно синимъ глазкамъ, въ будуаръ кокетки.
Почѣлуй и вздохи. Клятвы роковыя...
Старья, какъ мѣрь, вѣтренно-пустыя.
Развѣ что-ли конституцію намъ дали?
Да, и то ее въ испугъ отобрали.
И реакція хватаетъ всѣхъ налѣво и направо,
Какъ и раньше мы кварталныхъ глупая забава.
Все одно и тоже. Даже грусть больная
О разбитомъ счастьѣ, о блаженствѣ рая.
Даже смерть-старуху не беретъ одышка.
Всѣхъ хватаетъ вѣдьма. Всѣмъ намъ крышка!

Пессимистъ.

Самоѣды.

(Страничка исторіи одного герцогства).

Въ XX вѣкѣ герцогствомъ Траумъ, пограничнымъ
со страной Мечты, правилъ герцогъ, по характеру добрый.
Дѣла шли-бы недурно, еслибъ ими не стали распо-
ряжаться три злодѣя—Битте, Дуббе и Треппе. Горожане
и крестьяне стонали, но, увы, это не помогало; стоны не
достигали ушей герцога.

Битте, при участіи своей супруги, разорялъ страну.
всѣми способами туманя мозги ея обитателей. Дуббе
разрушалъ лучшія зданія, яко-бы для того, чтобы были
выстроены другія, еще лучше, а Треппе просто убивалъ
людей, для уменьшенія народонаселенія.

Но, тѣмъ не менѣе, народонаселеніе—не уменьша-
лось, а увеличивалось и роптало на своихъ притѣсните-
лей, поскольку это допускалось въ сферѣ различныхъ
„охранительныхъ мѣръ“.

Роптало, однако, не весь народъ, а только интел-
лигенція. Простолюдины были убѣждены, что все идетъ
къ лучшему и что если ихъ убиваютъ, то такъ слѣдуетъ
по законамъ. Они считали, что герцогу съ высоты своего
величія виднѣе, кого выбрать въ распорядители судебъ
отечества. Бѣдняжки, они забыли, что судьбами всего
міра распоряжается его Творецъ; они не знали, что гер-
цогъ не выбиралъ Битте, Дуббе и Треппе, а что они сами
выскочили и захватили власть надъ народомъ герцога.

Узурпаторы быстро полѣзли вверхъ съ нижнихъ
ступеней желѣзнодорожной, морской и кавалерійской
„службы“.

Первый—чуть-ли не изъ оберъ кундукторовъ, вто-
рой—изъ мичмановъ, а третій—изъ корнетовъ.

Простой народъ не могъ сообразить, что герцогу
не услѣдить за всѣми уголками обширнаго герцогства.

Вѣрноподданные не допускали мысли, что многое
скрывается отъ нихъ и нарха.

Герцогъ же думалъ, что всѣмъ живется хорошо
подъ эгидой Битте и компаніи.

Но компанія эта дѣйствовала не самостоятельно.
Ею руководилъ другой триумвиратъ.

Это были три ультра-злодѣя—Пробстъ-Носъ, Игна-
ціусъ и Шлехтманъ.

Первый, какъ и Битте въ своемъ триумвиратѣ, былъ
умнѣе другихъ. Но Дуббе и Треппе были отъявленные
дураки, тогда какъ Игнаціусъ и Шлехтманъ мало усту-
пали Пробсту, какъ въ хитрости, такъ въ порочности.

Пробстъ, изсохшій старецъ и страшный ханжа, про-
повѣдовалъ всѣмъ нравственность и стоялъ за сохраненіе
устарѣвшихъ церковныхъ обрядовъ. Однако самъ, не-
смотря на свои девяносто лѣтъ, отличался крайнею без-
нравственностью и развратничалъ напропалую.

Уродъ съ полуаршиннымъ лицомъ, длиннымъ
острымъ носомъ и глазами, закрытыми огромными синими
очками онъ, вопреки законамъ природы, только за восемь-
десять лѣтъ сталъ ярымъ жрецомъ Эрота.

Чѣмъ дѣйствовалъ онъ при жертвоприношеніяхъ
этому златокрылому мальчишкѣ, покрыто мракомъ неиз-
вѣстности.

Но похороненій своихъ онъ скрыть не могъ. Когда
въ герцогствѣ наступала чахлая весна, проявлявшаяся
въ томъ, что иней на вербахъ замѣнялся бѣлопушистыми
почками, старецъ начиналъ бѣсноваться.

Когда-же лѣто вступало въ свои права, выражав-
шіяся ежедневными дождями, страсть овладѣвала всѣми
пятью органами чувствъ Пробста. Ему хотѣлось видѣть
женщину, осязать ее, слушать шумъ ея юбокъ, обонять
ее и даже съѣсть, несмотря на полное отсутствіе зубовъ
и самыя слабыя функціи глазъ, ушей и носа.

Съ этою цѣлью онъ часто ѣздилъ въ одну изъ дач-
ныхъ мѣстностей, гдѣ проводилъ по нѣсколько дней у
эксъ-супруги профессора лиры, осыпая ее, не лиру ко-
нѣчно, а прелестницу, золотомъ и поцѣлуями своихъ хо-
лодныхъ безцвѣтныхъ губъ.

Не дерзая показываться съ нею на прогулкахъ пѣш-
комъ или въ открытомъ экипажѣ, старецъ катался съ
эксъ-профессоршей въ каретѣ со спущенными шторами
сторонами, что было притчей во языцѣхъ на устахъ мѣ-
стныхъ дачницъ.

Онъ не желалъ выпускать власть изъ своихъ рукъ,
хотя и былъ „спущенъ“ въ герцогскій совѣтъ, биткомъ,
по выраженію фельетониста вліятельной и даже ретро-
градной газеты, набитый ничтожными, ни на что не спо-
собными паразитами.

О Шлехтманѣ можно сказать очень мало. Кромѣ
кровожадности онъ проявилъ себя на попріищѣ мошен-
ничества по поставкѣ гороховой колбасы для войскъ, въ
чемъ былъ уличенъ даже печатно, но тѣмъ не менѣе
властвовалъ.

Игнаціусъ ровно ничѣмъ не проявилъ себя, кромѣ
желанія „быть у власти“, что ему было вовсе не къ
лицу.

Какъ Дуббе, такъ и Треппе, кромѣ свирѣпости и
крайней глупости, также ни въ чемъ себя не проявили.

Несмотря на общность интересовъ, клонившихся къ
истребленію всѣхъ жителей страны, между членами обоихъ
триумвираторствъ согласія не было. Каждому изъ нихъ
хотѣлось съѣсть другъ друга, чтобы властвовать одному,
безъ помѣхи.

Замѣтивъ эту склонность, подданные герцога, проз-
вавшіе ихъ сначала людоедами, стали называть ретивыхъ
государственныхъ людей самоѣдами.

Кличка вполне оправдалась. Битте съѣлъ Дуббе и
Треппе, а Пробстъ—Игнаціуса и Шлехтмана.

Затѣмъ Битте пожралъ Пробста. Какъ онъ при
этомъ не подавился, надо было только удивляться, что
и послужило предметомъ многодневныхъ толковъ въ об-
ществѣ и печати.

Загадка для читателей: кто пожретъ Битте?

С. Федоровъ.

Еженедѣльный политико-сатирический журналъ

„СТРАНА МЕЧТЫ“.

Выходитъ разъ въ недѣлю. Цѣна 10 коп.

Редакція и контора: СПб., Николаевская 73, кв. 12.

Редакторъ С. М. Федоровъ принимаетъ ежедневно отъ 11—12 ч. дня.

Секретарь редакціи С. Безпросвѣтнѣй ежедневно отъ 12—2 ч. дня.

Столица Страны Мечты.

Издатель-Редакторъ С. М. Федоровъ.

Типографія А. О. СМІЛЬГО, Екатерининскій каналъ № 10.